

Научная статья
УДК 371.671.11(47)«193/196»:94(47)«15»
DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.008

Отражение проблемы межнациональных отношений в Русском феодальном государстве XVI века в школьных учебниках истории СССР (конец 1930-х — начало 1960-х годов)

Никита Вадимович Тихомиров

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
tikhomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Предметом статьи является отражение межнациональных отношений в Русском государстве в советских учебниках истории конца 1930-х — начала 1960-х годов. Цели: проследить изменения в изложении учебного материала, определить факторы данного процесса, выявить идейно-теоретические установки авторов школьных учебников и показать их эволюционное развитие. В ходе исследования были получены выводы о характере и направленности изменений в освещении авторами учебных пособий взаимоотношений русского и других народов в составе единого государства. На основе сравнительного анализа материалов учебников показано, что ведущей тенденцией в работе историков на указанном направлении было стремление усилить патриотическую составляющую в подаче материала. Историками-марксистами была отвергнута оценка исторической роли великороссов, данная в концепции М. Н. Покровского, и выработана новая модель представления отношений между народами, вошедшими в состав объединенной державы. Материалы статьи призваны способствовать углублению научных представлений об особенностях развития отечественной исторической науки эпохи сталинизма. Полученные результаты могут быть использованы при осуществлении историографических исследований, а также в методической практике.

Ключевые слова: историческая концепция, историческое образование, многонациональное государство, Русское государство, учебник истории.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Отражение проблемы межнациональных отношений в Русском феодальном государстве XVI века в школьных учебниках истории СССР (конец 1930-х — начало 1960-х годов) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 76–86. DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.008](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.008).

Original article

International Relations in the Russian Feudal State in the 16th Century as Represented in History Textbooks in the USSR (in the Late 1930s — the Early 1960s)

Nikita V. Tikhomirov

Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia
tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article focuses on the representation of Russian international relations in Soviet history books published in the late 1930s – early 1960s. The aim of the article is to investigate factors influencing a change in the perspective from which the historical process is viewed, to explore the evolution of guidelines used by the authors of history textbooks. The investigation performed by the author of the article throws light on the changes in historians' attitude to the description of international relations within a multinational state. A comparative analysis of history textbooks shows that historians tended to view historic events through the prism of patriotism. Marxist historians rejected M. N. Pokrovsky's assessment of the historical role of Russian people and introduced a historical model aimed at highlighting the role of national collaboration. The article is meant to enable researchers to better understand the peculiarities of the development of Russian history in the Stalin era. The results of the investigation can be used by historiographers and history teachers.

Keywords: historical concept, historical education, multinational state, Russian state, history textbook.

For citation: Tikhomirov N. V. International Relations in the Russian Feudal State in the 16th Century as Represented in History Textbooks in the USSR (in the Late 1930s — the Early 1960s). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 2 (75):76–86. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.008.

Введение

Школьные учебники по истории СССР образуют корпус высокоинформативных источников для исследований в области развития отечественной историографии. Учебник истории содержит в обобщенном виде актуальные научные представления о событиях прошлого, дает срез наиболее важных положений, формирующих концепцию национальной истории. Анализ структуры и содержания учебников способствует изучению подходов к репрезентации образа прошлого в конкретной эпохе, выявлению особенности исторической памяти как части общественного сознания. Сравнительное рассмотрение школьных учебников истории разного времени (в том числе разных редакций одного издания) позволяет проследить динамику трактовок и оценок, изложенных исследователями по отдельным явлениям и событиям.

Развитие исторической науки в советскую эпоху вызывает устойчивый интерес в сообществе историков настоящего времени. Особое внимание традиционно уделяется историографии сталинского периода. Такое положение дел не случайно: с середины 1930-х по начало 1950-х годов происходило становление новой марксистской системы взглядов на отечественную историю, или, по выражению А. Н. Фукса, «советской моноконцепции отечественной истории» [Фукс, 2009, с. 104]. За указанный период были созданы концептуальные основы системы представлений о прошлом в рамках теории материалистического монизма. Значительный объем наработок был воспринят последующей историографией, прошедшей заметное обновление в ходе ревизии пережитков культа личности, начавшейся по итогам XX съезда КПСС (1956). Более того, немало теоретических положений советской исторической концепции оказалось востребовано современной российской историографией, будучи отражено в материалах школьных и вузовских учебников.

В рамках данной статьи мы рассмотрим один из ключевых вопросов в контексте построения советской концепции отечественной истории, а именно — вопрос о межнациональных отношениях в России эпохи феодализма и его реализацию в школьных учебниках по истории СССР. Выбор данного периода обусловлен тем, что в это время складывается многонациональное Русское государство благодаря присоединению обширных земель Восточно-Европейской равнины с проживающими на них малыми народами. Объяснение причин и особенностей включения этих народов в державу великороссов имело принципиальное значение для понимания характера исторических связей между русским народом и другими, «нерусскими» народами в составе сложной социально-политической общности.

Становление единого Русского государства представляет собой длительный и сложный процесс. Институциональное оформление политико-правовой надстройки державы московских Рюриковичей пришлось на вторую половину XV — середину XVI веков. В XVI столетии началась и широкая экспансия государства вне пределов собственно русских земель и территорий, исторически находившихся под русским влиянием. В связи с этим данный период привлекал внимание советских историков как время формирования сложной многоэтничной общности под властью московских правителей. Авторы школьных учебников по истории СССР именно в контексте правления Ивана IV актуализовали вопрос о выстраивании межнациональных отношений великороссов с иными народами, вошедшими в состав объединенной державы.

Основная часть

Проблема образования национального государства занимала центральное место в отечественной историографии на всех этапах ее развития. Историческая наука сталинского периода также рассматривала создание Русской державы в числе важнейших вопросов при построении марксистской концепции истории СССР. Такое же высокое значение придавалось данной проблематике в дальнейшем (вплоть до настоящего времени). Одним из наиболее острых аспектов

указанной проблематики стали представления о специфике отношений между народами в составе объединенного государства.

В условиях решения крупных политических задач на пути построения советского социалистического государства большевистское руководство оказалось перед проблемой формирования коллективного сознания нового общества, выстраивания новой исторической памяти, могущей стать основой гражданской идентичности многонационального советского общества. Поэтому тема взаимоотношений народов изначально заняла важное место в структуре марксистской концепции отечественной истории. Политическое руководство СССР обозначило ее как требующую обязательного раскрытия при подготовке стабильных учебников по истории СССР в 1934 году [К изучению истории, 1937, с. 22].

Особое внимание национальному вопросу авторы первого советского учебника по истории СССР уделили в контексте повествования о складывании Русского государства в XV–XVI веках. Уже в пособии, подготовленном группой А. В. Шестакова, появился тезис о приобретении Русским государством многонационального характера, начиная со времени правления Ивана Грозного [Краткий курс ... , 1937, с. 39]. То же положение отражено позднее в учебнике для 8-го класса средней школы под редакцией А. М. Панкратовой [История СССР, 1943, с. 127]. Так, со второй половины 1930-х годов в советской историографии последовательно складывался и утверждался новый научный концепт — «централизованное многонациональное государство» [История СССР, 1953, с. 153].

Существенное влияние на данный процесс оказал И. В. Сталин, в ряде теоретических суждений подсказавший историкам направление для дальнейшей работы. В этой связи заслуживает внимания выступление Сталина на X партийном съезде в 1921 году. В докладе, озаглавленном «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», на тот момент нарком по делам национальностей не преминул остановиться на вопросе об особенностях государственного строительства в странах Восточной Европы и, в частности, в России. Сталин высказал тезис о том, что в названном регионе государства сложились раньше образования наций и разложения капиталистических отношений. По его мысли, это были «многонациональные государства с одной, более развитой, нацией во главе и с остальными, менее развитыми, нациями, находящимися в политическом, а потому и в экономическом подчинении нации господствующей» [Сталин, 1937, с. 73–74].

Первые годы после установления советской власти Сталин не имел статуса крупного теоретика, тем более обладающего влиянием на сообщество историков. Положение поменялось к середине 1930-х годов. К этому времени советский вождь занял господствующее положение в системе политического руководства. Вместе с тем историческое сообщество лишилось признанного марксистского авторитета в лице М. Н. Покровского — крупного организатора науки и автора первой марксистской концепции русской истории. Покровский умер в 1932 году, после чего, по замечанию В. В. Тихонова, «пустующую нишу главного специалиста по истории» занял Сталин [Тихонов, 2016, с. 66].

Подходы Сталина и Покровского к пониманию национального вопроса заметно различались. Во-первых, Покровский, состоявшийся как ученый в дореволюционную эпоху, писал, прежде всего, историю России и русского народа, хотя и пытался это делать уже в рамках нового, марксистского подхода. Сталин же постулировал взгляд на историю СССР как историю всех входивших в него народов помимо русского. Во-вторых, оценка Покровским отношений между русскими и прочими народами на протяжении веков носила резко критический, обличительный характер. От глубокой древности до позднего имперского периода историк представлял русских как сугубых угнетателей малых народов. Сталин придерживался диаметрально противоположного мнения: на протяжении 1930–1940-х годов прослеживается усиление идей русоцентризма в риторике советского руководителя, которая широко транслировалась в область научного дискурса. Таким образом, с утверждением Сталина в качестве главного авторитета в области исторического знания произошла хорошо заметная смена ориентиров в оценках межнациональных отношений в Русской державе. В теоретико-методологическом отношении «середина — конец 1930-х гг. стали временем перехода от прежней системы воззрений к новой, а вернее — от одной версии марксизма в исторической науке к другой» [Тихомиров, 2020а, с. 402].

Изменения происходили постепенно: пересмотр коренных положений концепции Покровского и их вычищение из историографии заняли несколько лет. Своего рода итогом обширной теоретической ревизии стали два академических сборника статей ведущих советских ученых (1939 и 1940 годы), окончательно разгромившие идеи Покровского и его последователей (в

советской печати со второй половины 1930-х годов понятие «школа Покровского» употреблялось, как правило, в кавычках и с прибавкой «так называемая»). В части национального вопроса возобладал подход, который условно можно назвать сталинским. С этого же времени в общественном сознании постепенно закрепляется комплекс идейных представлений о русском народе как «старшем брате», то есть первом среди равных в семье народов СССР. Из поля политической риторики данный конструкт проникает в историографию и прочно закрепляется в структуре советской моноконцепции отечественной истории. Тезис о старшинстве проецируется на историю взаимоотношений великороссов с иными народами в составе складывавшегося единого феодального государства. Такое положение привело к постепенному переосмыслению цитированного выше сталинского тезиса о подчинении «менее развитых наций» одной «более развитой» [Сталин, 1937, с. 73–74] в духе прогрессивного, цивилизующего влияния русского народа на население Севера, Поволжья и других, что нашло отражение в изменениях текстов учебников, писавшихся и переиздававшихся в последующие десятилетия.

Следует отметить, что недовольство нигилистическим отношением Покровского к исторической роли русского народа не было привнесено в научное сообщество исключительно сталинскими замечаниями. Неприятие соответствующих положений имело место среди историков и до официального разгрома концепции Покровского. Наиболее резкие выступления по поводу национального вопроса в трудах опального ученого зазвучали после официально объявленной политическим руководством перестройки системы исторического образования, чем были запущены кардинальные изменения в теоретических подходах к начертанию истории СССР.

В 1937 году А. В. Шестаков, ставший к тому времени «фактически передовым борцом за новую линию в исторической науке» [Тихомиров, 2021, с. 50], публично заявил о «преступлении», допускаясь школой Покровского, которое выразилось в «огульной хуле на русский народ как на народ бесталаный, бездеятельный» [АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 382. Л. 12]. В том же выступлении ученый раскритиковал выводы Покровского о фактическом смешении русского народа с мордвой [Там же. Л. 14], прозрачно намекнув на близость такой точки зрения к идеям финских фашистов [Там же. Д. 13].

Обновленные представления об истории взаимоотношений русского и нерусских народов нашли отражение в новом школьном учебнике по истории СССР (1937). Учебник в целом обошел стороной вопрос о межэтнических контактах древних славян с иными народами, скупко констатировав их соседство с мари, мордвой и другими [Краткий курс ... , 1937, с. 10]. Проблема угнетения малых народов была актуализована авторами в контексте рассказа о завоеваниях Ивана IV [Там же, с. 38]. Однако в этом случае речь шла о политике русского феодального государства, а не об образе действий самого русского народа. Более того, в учебнике подчеркивалось ухудшение социально-хозяйственного положения великорусских крестьян, которые страдали от усиления царской власти не менее прочих народностей [Краткий курс ... , 1937, с. 41]. Тот же подход к освещению отношений русского и нерусских народов представлен в учебнике для средней школы под редакцией А. М. Панкратовой. Учебник коротко сообщал о соседях славян и рассказывал о завоевании малых народов московскими государями [История СССР, 1941, с. 35, 116].

Несмотря на то, что, в отличие от Покровского и его последователей, авторы новых учебников не стремились к огульному осуждению русского народа, они неизбежно столкнулись с проблемой выработки описательной модели, адекватной их целевым установкам. Эти установки были изложены в 1934 году высшим партийным руководством (И. В. Сталиным, А. А. Ждановым и С. М. Кировым) в «Замечаниях» на раскритикованный и признанный неудачным первый проект учебника по истории (был подготовлен группой Н. Н. Ванага). Цензоры указали, что в представленном конспекте не учтены данные по истории народов СССР, кроме русского, и «не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма» [К изучению истории, 1937, с. 22]. Отсюда вытекали конкретные установки для авторов будущего учебника: написать историю СССР, «где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов» [Там же], показав при этом эксплуататорскую сущность Русского государства.

Таким образом, перед историками возникла двойная задача. С одной стороны, следовало раскрыть угнетательскую сущность феодального Русского государства по отношению ко включенным в его состав народам. С другой стороны, требовалось четко отделить государство как политическую надстройку от русского народа, не допустить переноса на него представлений о хищническом отношении к нерусскому населению. Однако в текстах ранних редакций школьных учебников эта мысль не всегда выражена достаточно отчетливо. Иногда этому препятствовало стремление авторов подчеркнуть ужасы колониальной царской политики. Ярким примером служит

описание взятия Казани войсками Ивана Грозного. Данный сюжет традиционно выделялся авторами учебников рассматриваемого периода как один из центральных в описании завоевательной политики русских государей. Элементарный курс А. В. Шестакова в части повествования о Казанском взятии насыщен драматическими подробностями: «Татары сражались с отчаянной отвагой и упорством», «вынуждены были пить испорченную воду из луж и колодцев», однако «продолжали отстаивать свой город. Без отдыха, день и ночь, они отбивались от осаждающих». В сражении «принимали участие и татарские женщины и дети, защищаясь от врага». В итоге «Казань была разграблена и сожжена» [Краткий курс ... , 1937, с. 38]. При этом учебник для 4-го класса не раскрывал причин завоевания поволжских земель, указывая лишь, что Иван IV, укрепляя свою силу и власть, продолжал завоевательную политику предшественников [Там же]. Авторы пособия для 8-го класса при большей эмоциональной сдержанности также добавили драматизма изложению событий. Учебник сообщал, что «мужское население было перебито почти поголовно. Женщины и дети были обращены в рабство». При этом «местное население: татары, мари, удмурты, чуваша, мордва продолжали оказывать сопротивление завоевателям» [История СССР, 1941, с. 131].

Нарочито героическое описание татарской борьбы с русским завоеванием вкупе с жестокими подробностями поведения царских войск не могло служить воспитанию представлений об исторической дружбе народов. Напротив, такое преподнесение материала было чревато неизбежным обострением конфликта исторической памяти народов СССР. По мере укрепления идей советского патриотизма, опиравшегося на положение о ведущей роли русского народа в развитии других народов СССР, подход к изложению вышеупомянутых событий поменялся. Так, в поздней редакции учебника для младших классов отдельные острые моменты смягчались. Были исключены слова об участвовавших в обороне Казани женщинах и детях, а также о сожжении города [История СССР, 1954, с. 46]. То же касается переиздания пособия для 8-го класса: из него пропало сообщение о жестокости царских войск по отношению к местному татарскому населению [История СССР, 1953, с. 141].

Интересны в этой связи рекомендации педагогам, содержащиеся в методическом пособии Л. П. Бушика (1956). Автор призывал показать, что присоединение к России бывших поволжских ханств имело большое значение для населявших их народов, поскольку «избавляло их от опасности поглощения отсталой военно-феодальной Турцией» [Бушик, 1954, с. 344].

Таким образом, примерно за два десятилетия формирования «сталинской» исторической концепции акценты в понимании межнациональных отношений в Русском государстве были существенно смещены. Если в первых стабильных учебниках по отечественной истории заметный упор делался на конфликте феодальной державы с поработченными народами, то к началу 1950-х годов основное внимание авторов переключилось на высвечивание мысли о прогрессивном значении Русского государства для входивших в его состав народов.

Весьма показательным выступление М. В. Нечкиной в 1951 году на страницах апрельского номера журнала «Вопросы истории». В опубликованном письме в редакцию ученый рассуждала о теоретической обоснованности употребления в историографии устоявшейся формулы «наименьшее зло» применительно к переходу нерусских народов под власть Русского государства. Признавая «злом» колониальную политику царизма, автор задавалась вопросом: «покрывает ли понятие национально-колониального угнетения существо всех фактов, составляющих жизнь народа после присоединения его к России?» [Нечкина, 1951, с. 45]. Отвечая отрицательно, Нечкина указывала, что в царской «тюрьме народов» «томился и старший брат народов нашей страны — великий русский народ» [Там же]. Задача историков, по ее мнению, должна состоять в исследовании фактов общения народов, в обнаружении той исторической перспективы, которую для малых народов России открывала близость с передовым русским народом [Там же, с. 47].

Выступление Нечкиной явилось отражением усилившейся в сообществе историков идейно-теоретической позиции, согласно которой вхождение народов в состав Русской державы носило объективно прогрессивный характер безотносительно фактора политического угнетения. Косвенно в этом проявилась тенденция к исторической реабилитации русского народа, начатой в середине 1930-х годов в связи с критикой концепции Покровского и закономерно продолженной в контексте укрепления концепции советского патриотизма в послевоенное время. Конец 1940-х и первая половина 1950-х годов ознаменовались ростом научных публикаций, посвященных вопросам присоединения к русскому государству отдельных народов с неизменно положительными оценками данного процесса [Тихомиров, 2020б, с. 106–107].

Стремление окончательно уйти от любых негативных ассоциаций русского народа с колониальной деспотией проявилось и в текстах школьных учебников по истории. Ранняя редакция учебника для 8-го класса (1943) содержит такую формулировку в окончании раздела о присоединении к Русскому государству народов Сибири: «Вокруг сильного русского народа были насильственно объединены другие, более слабые народы» [История СССР, 1943, с. 143]. Примечательно, что из поздней редакции (1953) пропало слово «насильственно» [История СССР, 1953, с. 153]. Последующая историография показывает усиление тенденции к подчеркиванию значимости для малых народов их перехода под власть русских правителей. В. Г. Карцов в пособии для учителей (1951) призывал показать учащимся, что для народов Поволжья «единство с великим русским народом открывало значительно более широкие возможности для их экономического и культурного роста» [Карцов, 1951, с. 78]. Автор напоминал, что, «характеризуя национально-колониальный гнет, нельзя забывать и положительную сторону присоединения тех или иных народов к России» [Там же, с. 80].

В середине 1950-х годов тезис об исторической дружбе народов СССР получил развитие в связи с масштабным празднованием 300-летней годовщины воссоединения Украины с Россией. В одобренных ЦК КПСС «Тезисах» (1954) указывалось: «Русское централизованное государство сыграло огромнейшую роль в исторических судьбах русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны» [Тезисы ... , 1954, с. 6]. Сообщество историков отреагировало на связанный с празднованием идейно-политический посыл усилением соответствующих положений в учебной литературе. В опубликованном годом позже коллективном труде, в котором рассматривались вопросы преподавания истории в школе (1955), со ссылкой на «Тезисы» утверждалось: «Образование централизованного многонационального государства в России является важной гранью в истории не только русского народа, но и других народов нашей страны» [Вопросы преподавания ... , 1955, с. 19].

В связи с указанными событиями тема украино-русской дружбы усиливалась в программе школьного исторического образования, что было реализовано в новом учебнике по истории СССР для 8-го класса за авторством Л. П. Бущика и под редакцией А. М. Панкратовой. Книга впервые вышла в свет в 1956 году и была переиздана в 1958 году. Заметным новшеством стало включение в раздел об образовании Русского государства параграфа, посвященного «усилению борьбы за воссоединение Украины и Белоруссии с Россией» [Бущик, 1958, с. 112]. В этой структурной новации заметно стремление согласовать содержание школьного курса с актуальной политической повесткой, требовавшей расширения в публичном пространстве риторики о крепкой дружбе народов СССР и ее глубоких исторических корнях. Автор отмечал, что свержение татаро-монгольского ига привело к значительному возрастанию авторитета Русского государства на Украине и в Белоруссии, пребывавших под гнетом западных феодалов и страдавших (в случае украинцев) от набегов турок и татар. В борьбе с последними крепла «дружба братских народов» [Там же]. В учебнике подчеркивалось, что среди украинцев и белорусов росло стремление к воссоединению со «старшим братом» в лице русского народа.

Примечательно, что в контексте освещения событий Ливонской войны в пособии появился раздел «Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов» [Бущик, 1958, с. 126]. В трактовке автора борьба Ивана IV с Ливонским орденом, а затем с Литвой и Польшей вызвала подъем освободительной борьбы украинского и белорусского народов. Белорусы встречали русских «как освободителей» [Там же], а украинские казаки оказывали русскому народу «большую помощь», сдерживая на юге турок и крымчаков. Таким образом, в ходе продолжительной войны «укрепилась дружба русского народа с народами Украины, Белоруссии и Прибалтики» [Там же, с. 128]. Столь выраженная артикуляция дружбы трех славянских народов в исторической перспективе явилась новаторством в школьной учебной литературе.

Обращает на себя внимание и то, как в новом учебнике, призванном заменить многожды переизданное прежде пособие для средней школы, излагались события Казанского взятия — одного из центральных сюжетов темы расширения Русского государства. Из текста полностью исчезли драматические упоминания об обстоятельствах штурма Казани, тяжких последствиях завоевания и последующей борьбе поволжских народов. Конфронтационный аспект военного противостояния предельно сглаживался. События были представлены не как нападение русских войск на население Казани, но как борьба Ивана IV с татарскими феодалами [Бущик, 1958, с. 123]. В похожем ключе изображалось движение Русского государства за Урал, где русской колонизации противились «татарские ханы, собиравшие ясак» с местного населения [Там же]. Такая формулировка косвенно

подсказывала читателю мысль о том, что отношения русского народа с народами Сибири исходно не содержали конфликтной составляющей. В завершение параграфа автор особо подчеркнул, что в ходе русских военных походов XVI века произошло фактически «освобождение народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири от власти татарской феодальной знати», а включение их в состав России «имело прогрессивное значение в истории этих народов» [Там же, с. 125].

Следует отметить, что указанные изменения в содержании учебной литературы происходили в условиях подъема борьбы с пережитками культа личности, инициированного решениями XX съезда КПСС (1956). О необходимости борьбы с искажениями в исторической науке сталинского периода заявляли ведущие советские историки [Вопросы преподавания ... , 1955, с. 56]. Сохранение и усиление в историографии положений о ведущей роли русского народа по отношению к иным народам СССР свидетельствует об устойчивом согласии, сложившемся в сообществе историков по вопросу о характере и содержании межнационального общения в прошлом. В этом отношении прослеживается преемственность историографии середины 1950-х годов и последующего времени трудам историков конца 1930-х — начала 1950-х годов.

На состоявшемся в 1962 году Всесоюзном совещании историков Б. Н. Пономарев указал, что «для некоторых народов присоединение к России было в свое время единственным путем к спасению от прямого физического их истребления. Показывая прогрессивное значение присоединения народов к России в широкой исторической перспективе, историк способствует укреплению дружбы народов нашей страны и дальнейшему сближению наций Советского Союза» [Всесоюзное совещание ... , 1964, с. 29].

Начавшаяся в 1959 году перестройка школьного исторического образования потребовала написания новых учебников [Народное образование ... , 1974, с. 196]. Тема становления Русского государства и присоединения к нему малых народов была раскрыта в пособиях для средней (1962) и старшей школы (1964). Они в полной мере соответствовали тем выводам и оценкам, которые характеризуют историческую мысль предшествующего десятилетия. В учебнике для 7-го класса (А. А. Вагин, Н. В. Сперанская, Т. С. Шабалина) указывалось, что после завоевания Россией Казанского и Астраханского ханств «сложились благоприятные условия для экономического и культурного развития народов Поволжья» [Вагин, Сперанская, Шабалина, 1962, с. 72]. Уточнялось, что для народов Сибири присоединение к Русскому государству, несмотря на угнетательскую политику царизма, было «шагом вперед» [Там же, с. 73]. В другом пособии для среднего возраста, изданном тогда же (М. В. Нечкина, А. В. Фадеев), не содержалось нарочитых замечаний о прогрессивности присоединения к России нерусских народов, хотя имелись упоминания о добровольности вхождения в состав государства населения некоторых регионов [Нечкина, Фадеев, 1962, с. 75].

Более обстоятельно вопрос о подчинении малых народов Русской державе был изложен в учебнике для старшей школы (П. П. Епифанов, И. А. Федосов). Заслуживает внимания то, как авторами были представлены отношения Русского государства с народами Поволжья. Прежде всего, было подчеркнуто угнетательское отношение к мордве, чувашам и другим со стороны казанских феодалов и мусульманского духовенства. При этом отмечались давние связи народов Среднего Поволжья. Отсюда следовал закономерный вывод: «гнет казанских феодалов усиливал стремление народов Среднего Поволжья к добровольному присоединению к России» [Епифанов, Федосов, 1964, с. 88]. Примечательно, что если учебники конца 1930-х — 1940-х годов сообщали о том, что после взятия Казани коренные жители региона долгое время «продолжали оказывать сопротивление завоевателям» [История СССР, 1941, с. 131], то, согласно новому пособию, «народы Поволжья оказали большую помощь русским войскам в борьбе за овладение Казанью» [Епифанов, Федосов, 1964, с. 89].

Также в положительном ключе трактовались в учебнике отношения великороссов с коренными жителями Урала и Сибири, которые «связывали свою судьбу» с русским народом, «стоявшим на более высокой ступени экономического и культурного развития». Основой для сближения, согласно устоявшимся в учебной литературе представлениям, была названа совместная борьба против царизма, феодального гнета и посягательств извне. Общения малых народов с великороссами в составе единого Русского государства имело для них «большое прогрессивное значение» [Епифанов, Федосов, 1964, с. 92]. Кроме того, учебник включал особый раздел, «Значение вхождения нерусских народов в состав России», призванный разъяснить школьникам большое историко-культурное значение, которое для малых народов имело общение с «великим русским народом» [Там же].

Заключение

Подведем итог. Содержание работы историков при подготовке учебных материалов по феодальному периоду отечественной истории было во многом обусловлено политическим заказом сверху. Изначально от авторов требовалось, во-первых, расширить представление об истории России как истории не только русского, но и других народов; во-вторых, раскрыть сущность феодального государства как «тюрьмы народов». При этом вопрос о роли русского народа в истории оказался на первых порах отнесен рассказами о «колониальной» политике московских правителей. Тема межэтнического и межкультурного общения не получила внятного отражения в учебниках. В этой связи место русского народа во взаимоотношениях Русской державы с инородцами осталось, по сути, невыясненным, что создавало условия для ложного отождествления собственно великороссов с феодальной надстройкой. Решение данной проблемы стало одной из важных задач авторов учебных пособий на последующие два десятилетия.

В описании процесса образования Русской державы авторы советских учебников пытались выдержать баланс между критическим представлением феодального государства как «тюрьмы народов» и положительным образом русского народа как ведущей силы прогрессивного развития других народов СССР в прошлом. Первым шагом на этом пути стал отказ от нигилистической концепции Покровского, трактовавшего русских как исконных угнетателей и поработителей малых народов. Следующей, более тонкой задачей явилось концептуальное разделение великороссов как этнокультурной общности и великорусского государства как орудия подавления и эксплуатации в руках феодальной корпорации. Авторам первых, «сталинских» учебников по истории СССР потребовалось изменить язык подачи материала, критически пересмотреть приемы изложения информации. Эмоциональность отдельных фрагментов учебного текста, обусловленная его направленностью на учащихся младшего и среднего возраста, создавала картину представлений, не способствовавшую развитию идей об исторической дружбе народов. Вместе с тем анализ динамики изменений школьных учебников конца 1930-х — начала 1950-х годов показывает эволюцию оценок межнациональных отношений в Русском государстве и соответствующие изменения в их воплощении в учебной литературе.

Названный процесс происходил на фоне развития идей советского патриотизма, в становлении которого все более усиливающееся значение приобретал концепт «великого русского народа». Данная тенденция сохранялась как в сталинский, так и в послесталинский период советской истории. Новое поколение школьных учебников по истории СССР демонстрирует преемственность предшествующим пособиям в подходе к освещению национального вопроса в истории России феодального периода. В новых изданиях для средней и старшей школы получили дальнейшую проработку теоретические положения о дружбе народов, исторической роли великороссов и строгом разделении государства-угнетателя и угнетенного народа. Данные тезисы были структурно оформлены и четко артикулированы, чем усиливалась их дидактическая эффективность.

Если учебникам конца 1930-х — начала 1940-х годов был еще присущ пафос национально-освободительной борьбы, просматривающийся в подходах к описанию завоевательной политики Ивана IV, то в учебниках начала 1960-х годов он окончательно вытеснялся идеей исконной дружбы и братства при безусловном доминировании великороссов. Таким образом, «сталинская» трактовка характера и содержания межэтнических отношений периода складывания Русского государства не только не подверглась ревизии в период борьбы с пережитками культа личности, но получила дальнейшее закрепление в учебной литературе.

Подходы к решению вопроса о содержании межнациональных отношений в Русском государстве XV–XVI веков служат примером творческого освоения советскими историками коренных положений марксистской теории исторического материализма. В концепции, реализованной в учебной литературе, идеи интернационализма и освободительной борьбы народов оказались соединенными с представлениями о советском патриотизме, опиравшемся на тезис об уникальной роли русского народа в судьбах других народов СССР как в настоящем, так и в прошлом.

Список источников

1. Архив Российской академии наук (РАН). — Ф. 638. — Оп. 1. — Д. 382.
2. Бузык Л. П. История СССР : иллюстр. кн. для преподавателей VIII кл. ср. шк. / под ред. А. М. Панкратовой. — М. : АПН РСФСР, 1954. — 456 с.

3. Бущик Л. П. История СССР : учеб. для 8 кл. / под ред. А. М. Панкратовой. — Изд. 2-е. — М. : Учпедгиз, 1958. — Ч. 1 — 200 с.
4. Вагин А. А., Сперанская Н. В., Шабалина Т. С. История СССР : учеб. пособие для 7 кл. — М. : Учпедгиз, 1962. — 268 с.
5. Вопросы преподавания истории и конституции СССР в школе. — М. : АПН РСФСР, 1955. — 200 с.
6. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. — М. : Наука, 1964. — 519 с.
7. Елифанов П. П., Федосов И. А. История СССР : учеб. пособие для IX–X кл. ср. шк. — 2-е изд. — М. : Просвещение, 1964. — 432 с.
8. История СССР. Краткий курс : учеб. для 4-го кл. / под ред. А. В. Шестакова. — М. : Учпедгиз, 1954. — 288 с.
9. История СССР : учеб. для VIII кл. ср. шк. / под ред. А. М. Панкратовой. — Изд. 2-е. — М. : Учпедгиз, 1941. — 224 с. ; изд. 3-е. — 1943. — Ч. 1. — 223 с. ; изд. 12-е. — 1953. — Ч. 1. — 240 с.
10. Карцов В. Г. Методика преподавания истории СССР в начальной школе. — Изд. 2-е. — М. : Учпедгиз, 1951. — 216 с.
11. К изучению истории : сб. — М. : Партиздат, 1937. — 38 с.
12. Краткий курс истории СССР : учеб. для 3-го и 4-го кл. / под ред. А. В. Шестакова. — М. : Учпедгиз, 1937. — 223 с.
13. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. — М. : Педагогика, 1974. — 560 с.
14. Нечкина М. В. К вопросу о формуле «Наименьшее зло» // Вопросы истории. — 1951. — № 4. — С. 44–48.
15. Нечкина М. В., Фадеев А. В. История СССР : учеб. пособие для 7 кл. — М. : Учпедгиз, 1962. — 264 с.
16. Панкратова А. М. Вопросы преподавания истории СССР в свете решений XX съезда КПСС. — М., 1965. — 75 с.
17. Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос : сб. ст. и речей. — М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. — 232 с.
18. Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.). — М. : Госполитиздат, 1954. — 31 с.
19. Тихомиров Н. В. Отражение процесса централизации Русского государства в школьных учебниках истории конца 1930-х — начала 1950-х гг. // Вестник Марийского государственного университета. Сер. «Исторические науки. Юридические науки». — 2020. — Т. 6, № 4. — С. 401–406. — DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406, а.
20. Тихомиров Н. В. Проблема межнациональных отношений в концепции Русского государства в отечественной историографии 1930-х — начала 1950-х гг. // Вестник гуманитарного образования. — 2020. — № 4. — С. 101–110. — DOI: 10.25730/VSU.2070.20.054, б.
21. Тихомиров Н. В. А. В. Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг. // Вестник гуманитарного образования. — 2021. — № 1. — С. 49–55. — DOI: 10.25730/VSU.2070.21.005.
22. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). — М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. — 424 с.
23. Фукс А. Н. Формирование советской моноконцепции отечественной истории и ее отражение в школьном учебнике А. В. Шестакова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «История и политические науки». — 2009. — № 2. — С. 104–113.

References

1. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archive of the Russian Academy of Science]. F. 638, Op. 1, D. 382. (in Russian).
2. Buwik L. P. *Istorija SSSR* [History of Russia]. Pankratova A. M. (ed.). Moscow, Academy of Pedagogical Sciences of the Soviet Union Publ., 1954, 456 p. (in Russian).
3. Buwik L. P. *Istorija SSSR* [History of the USSR]. Pankratova A. M. (ed.). Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958, part 1, 200 p. (in Russian).
4. Vagin A. A., Speranskaja N. V., Shabalina T. S. *Istorija SSSR* [History of the USSR]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962, 268 p. (in Russian).
5. *Voprosy prepodavaniya istorii i konstitucii SSSR v shkole* [Issues Relating to Teaching History and Constitution of the USSR in Schools]. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences of the Soviet Union Publ., 1955, 200 p. (in Russian).
6. *Vsesojuznoe sovewanie o merah uluchshenija podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov poistoricheskim naukam. 18–21 dekabrja 1962* [All-Union Assembly on the Measures of Improving History Teachers' Training]. Moscow, Science Publ., 1964, 519 p. (in Russian).

7. Epifanov P. P., Fedosov I. A. *Istorija SSSR* [History of the USSR]. Moscow, Enlightenment Publ., 1964, 432 p. (in Russian).
8. *Istorija SSSR. Kratkij kurs* [History of the USSR: a Concise Course]. Shestakov A. V. (ed.). Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954, 288 p. (in Russian).
9. *Istorija SSSR* [History of the USSR]. Pankratova A. M. (ed.). Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941, 224 p. ; 3rd ed., 1943, part 1, 223 p. ; 12th ed., 1953, part 1, 240 p. (in Russian).
10. Karcov V. G. *Metodika prepodavaniya istorii SSSR v nachal'noj shkole* [A Methodology of Teaching History in the USSR in Primary School]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1951, 216 p. (in Russian).
11. *K izucheniju istorii* [To Learning History]. Moscow, Partizdat Publ., 1937, 38 p. (in Russian).
12. *Kratkij kurs istorii SSSR* [A Concise History of the USSR]. Shestakov A. V. (ed.). Moscow, Uchpedgiz Publ., 1937, 223 p. (in Russian).
13. *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obweobrazovatel'naja shkola: sbornik dokumentov 1917–1973* [Public Education in the USSR. Secondary School: 1917–1973. Collected Documents. 17–1973 gg. / Abakumov A. A., Kuzin N. P., Puzыrev F. I., Litvinov L. F. (comps.). Moscow, Pedagogy Publ., 1974, 560 p. (in Russian).
14. Nechkina M. V. To the Issue of the Lesser Evil Formula. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 1951, no. 4, pp. 44–48. (in Russian).
15. Nechkina M. V., Fadeev A. V. *Istorija SSSR* [History of the USSR]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962, 264 p. (in Russian).
16. Pankratova A. M. *Voprosy prepodavaniya istorii SSSR v svete reshenij HH s#ezda Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza* [The Issues of Teaching History of the USSR through the Prism of Decision Taken at the 20th Assembly of the Communist Party]. Moscow, 1965, 75 p. (in Russian).
17. Stalin I. V. *Marksizm i nacional'no-kolonial'nyj vopros* [Marxism and National-Colonial Issues]. Moscow, Partizdat CK VKP(b) Publ., 1937, 232 p. (in Russian).
18. *Tezisy o 300-letii vossoedinenija Ukrainy s Rossiej (1654–1954 gody)* [Thesis on the 300th Anniversary of Russia and Ukraine Union (1654–1954)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954, 31 p. (in Russian).
19. Tihomirov N. V. The Reflection of the Process of the Centralization of the Russian State in School textbooks of History in the Late 1930s — early 1950s. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki"* [Bulletin of Maria State University. History and Law series]. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 401–406. DOI: 10.30914/2411-3522-2020-6-4-401-406, a. (in Russian).
20. Tihomirov N. V. International relations in the Concept of the Russian State in Russian Historiography in the 1930s — the Early 1950s. *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija* [Bulletin of Humanitarian Education]. 2020, no. 4, pp. 101–110. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.054, b. (in Russian).
21. Tihomirov N. V. A. V. Shestakov as a Leading Critic of M. N. Pokrovsky's Historical Concept in the Second Half of the 1930s. *Vestnik gumanitarnogo obrazovanija* [Bulletin of Humanitarian Education]. 2021, no. 1, pp. 49–55. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.005. (in Russian).
22. Tihonov V. V. *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h — 1953 godov)* [Ideological Campaigns of Late Stalinism and Soviet History (the Mid 1940s — 1953)]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2016, 424 p. (in Russian).
23. Fuks A. N. The Formation of Soviet Monoconcept of Russian History and its Reflection in the Textbook by A. V. Shestakov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija "Istorija i politicheskie nauki"* [Bulletin of Moscow State Regional University. History and Political Sciences series]. 2009, no. 2, pp. 104–113. (in Russian).

Информация об авторе

Тихомиров Никита Вадимович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры источниковедения Российского государственного гуманитарного университета.
Сфера научных интересов: российская и советская историография XX века.

Information about the author

Tihomirov Nikita Vadimovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities.
Research interests: Russian and Soviet historiography of the 20th century.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 09.03.2022.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 09.03.2022.